

Херасков Михаил Матвеевич

Творения М. Хераскова

Часть 12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Х.**
Творения М. Хераскова: Часть 12 / Херасков Михаил Матвеевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 173 с.

ISBN 978-5-521-29088-8

Нума Помпилий или Процветающий Рим,

ISBN 978-5-521-29088-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сія повѣсть не есть точная Историческая истина; она украшена многими вымыслами, которые, не уменьшая важности Нуминыхъ дѣлъ, цветы на нихъ разсылаютъ. Нума здѣсь представляется, каковъ онъ былъ и каковъ быть могъ; сія вольность гораздо простительнѣе той, какую многіе Писатели возпріяли, почитая Нуму ученикомъ Пифагоровымъ, хотя Пифагоръ жилъ больше ста пятидесяти лѣтъ послѣ Нумы, во время Тарквинія Гордаго, или еще позже; и для того сладкорѣчивый Цицеронъ, удивляясь Нумѣ, почиталъ его великимъ по тому, что онъ произвелъ въ дѣйство Науку царствовать, когда еще Греки никакого понятія о томъ не имѣли.

О Нуминыхъ книгахъ, которыя найдены послѣ него, больше пяти сотъ лѣтъ, всѣмъ

известно, что они были поручены на рассмотрение Петилиусу, Римскому Претору, и потом сожжены. Но такая неблагодарность непростительна Римскому народу, который бы долженъ имѣть больше почитанія къ дѣламъ пераго и словѣколюбиваго своего Законодателя. Однако, по несчастію всѣхъ вѣковъ, невѣжество не однократно надъ благоразуміемъ торжествовало; и для того древняя Исторія вѣроятности своей лишилась, или въ басни превратиться должнаствовала.

Всѣ Историки почитаютъ сего Царя добродѣтельнымъ и благочестивымъ, ежели и до послуженіе можетъ благочестіемъ назваться; всѣ пишутъ о немъ, что онъ исправилъ законы, искоренилъ общія злоупотребленія, устредилъ гражданство, установилъ порядокъ, и сдѣлалъ своихъ подданныхъ щастливыми. Что другое имя великаго заслуживать можетъ и привлечь къ себѣ добродѣтельныя сердца?

Сіе сочиненіе есть плоды празднаго размышленія, которое, воображая благо-

получное состояніе обществъ, подъ скипетромъ Нумы его находило. Не тщеславіе и не пристрастіе побудителями къ тому были; но единая любовь къ истинѣ и желаніе добра теловѣстскому роду, на темъ оно есть основано. Издатель сей книги позволяетъ Критикамъ говорить о ней, что они хотятъ; онъ убоженъ, что и безъ его позволенія не избѣжитъ она отъ похуленія лжетолкователей; но желаетъ одного, чтобы не говорили, что сія книга только сказка.

Согинитель книги не извѣстенъ; извѣстно только то, что она прислана отъ нѣкоторой Особы къ Издателю; подлинникъ то былъ, или переводъ, совсѣмъ не сказано. По надменному слогу можно заключить, что сія книга есть труды одного изъ живущихъ на Востокѣ Согинителей, которые полагаютъ всю красоту согиненій въ избранныхъ словахъ и въ возвышенныхъ мысляхъ: слѣдовательно она переведена. Но видя отвращеніе Нумы отъ суеты сего свѣта, отъ подеиговъ военныхъ, и любовь къ теловѣстству, къ тишинѣ

и цединенію , можно подумать , что сія книга
есть сочиненіе нашего соотечественника, наску-
тившаго свѣтомъ теловѣка, который всѣхъ ко
спокойной жизни привлечъ намѣренъ , и кото-
рый сообщаетъ ее Издателю , своему другу.
Какъ бы то ни было , должно признаться ,
что ежели бы всѣ такія разположенія души
имѣли , какія имѣлъ Сочинитель сей книги :
тогда бы теловѣтскій родъ не несчастливъ былъ ;
ибо истина , добродѣтель и правосудіе торже-
ствовали бы на земли. Онѣ торжествуютъ въ
Россіи. Небо ! продли сіе благо !

Н У М А ,

и л и

ПРОЦВѢТАЮЩІЙ РИМЪ.

Г Л А В А I.

Истинная слава не всегда оружіемъ пріобрѣ-
тается; лавры Побѣдителей часто кровію
вѣрныхъ сыновъ отечества орошенны бывають;
торжественныя восклицанія не рѣдко воплемъ
вдовъ и сиротъ сопровождаются; распростра-
няемые предѣлы государствъ, иногда внутреннія
силы отечества испощають: но сладкій миръ
и любезная пишина цвѣтущее состояніе горо-
дамъ и селамъ даруютъ, законамъ придаютъ
силу, и спокойныхъ жителей радостию и весе-
ліемъ напаяють; тогда процвѣтають науки;
тогда добродѣтели вѣнцами украшаются, со-
кровища всенародныя множатся и достоинства

сіяніе приобрѣтають. Сія повѣсть будетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ моего вступленія , ежели чипать оную будутъ.

Въ прохладныхъ мѣняхъ Арицейскаго лѣса , гдѣ протекаетъ чистоводный *Тибронъ* , омывающій древнюю *Лацию* отъ Сабиновъ и питающій своими прохладными струями дикія поля — въ сей пустынновидной странѣ , при основаніи рождающагося Рима , представлялись зрѣнію только убогія хижины , по зеленѣющимъ холмамъ разсѣяныя ; спада , пасущіяся въ лугахъ тучныхъ , и между ключей непрестанно журчащихъ ; сады , сельской простотѣ свойственнымъ вкусомъ расположенныя ; при упренней зарѣ слышимы были гласы свирѣлей , извѣвающихъ мирное и щасливое житіе пасуховъ и паспушекъ. Тамо представлялась пріятная умѣренность , мать спокойствія ; не видно было великолѣпія , слѣдственно и зависти. Въ ~~цѣломъ~~ пріятномъ убѣжищѣ жилъ Философъ , именемъ Нума ; сердце его было богамъ посвящено ; чувствено , свойственное кроткому и цѣломудренному мужу. Онъ пахалъ землю , стерегъ малое свое стадо , и , что всѣхъ упражненій безцѣннѣе , трудами сво-

ими питалъ удрученнаго старостію отца. Праздныя часы посвящалъ Нума испытанію сокровенныхъ таинствъ Божества, познанію истинныхъ правилъ добродѣтели, удаленію суежныхъ мыслей, нечувствительно заражающихъ сердце льстивыми пороками; пренебреженію прелестей ложнаго щастія и приманчивыхъ блистаній богатства; безъ чего и мудрымъ не былъ бы Нума.

Подъ густыми деревьями, вокругъ которыхъ спада его паслися, находилъ онъ пріятныя минуты, или, яснѣе сказать, чувствовалъ силу и способность размышлять о прямомъ человѣческомъ благополучіи: способность рѣдкая, но больше скучная ослѣпившимся сіяніемъ гордаго и непостояннаго щастія! Нума не всегда былъ пустыннымъ; природа произвела его не для бѣдственнаго и низкаго состоянія; предки его были знамениты, а свойственники Цари; довольно сего искушенія уклониться отъ истиннаго спокойства, довольно и труда преодолѣть выгоды, пѣвныя сердца наши, и льстящія челоуѣку пишла. Однако Нума былъ Философъ: суебны міра не могли поколебать постоянства души

его ; и любовь къ добродѣтели , къ уединенію , къ попеченію о его опцѣ , преодолѣли въ немъ мірскія искушенія , содѣлавъ изъ него землепашца . Едва имовѣрны такія побѣды !

Повѣдалъ бы я чипапелямъ , какими размышленіями утѣшалъ духъ свой уединенный Нума ; но повѣсти моей подлежатъ обстоятельства большей важности , а для Нумы важнѣйшихъ видовъ .

Въ нѣкоторый день , когда солнце половину печенія своего совершило и трудамъ отдохновеніе назначило , Нума , помнящій непрестанно о спокойствіи преслѣдлагаго опца своего , осматриваетъ обыкновенную свою земляную работу ; возложавъ на плеча наполненную ношу зрѣлыми плодами , въ рукахъ имѣя серпъ , орошенъ потомъ , возвращается въ хижину устроишь своему родителю сладкій обѣдъ . Приближаясь къ своему жилищу , видитъ во преддверіи онаго множество Римлянъ . Сердце его вострепетадо ; не страхомъ оно колебалось — мудрые страха не знаютъ , — но несогласіе двухъ народовъ любезнаго опечесства новыя опасности ему предвѣща-

юпѣ. Увы! говоритѣ онѣ: Римляне и Сабинны враждуютѣ! оружіе соединило два сіи народа, оружіе и разлучитѣ ихѣ. О родитель мой! родителю мой любезный! здравѣ ли ты? ты мнѣ всего дорожее... Говоря сіе, приближается къ хижинѣ. Удивленіе Нумино умножается: онѣ увидѣлѣ стоящихѣ съ почтеніемѣ передѣ опцемѣ его двухѣ Римскихѣ Вельможѣ, Юлія Прокула и Валерія Волезія Сабинянина. Одежда его, пылію покрывая, орудія полевая, копорыя въ рукахѣ его еще были, представлялись ему на сей только часѣ неприличными; не для него собственно, но для очей двухѣ Вельможѣ, ко Дворскому великолѣпію привыкшихѣ и ласкательною суепою уже обманутыхѣ. Не стыдись взирайтѣ на сіи рубища, говоритѣ онѣ Прокулу и Валерію; они меня добродѣтельнымѣ земледѣльцемѣ и полезнымѣ опцу учинили.

А добродѣтели твои, отвѣчалѣ Валерій, дѣлаютѣ тебя Царемѣ Римскимѣ! Прими, Нума, сей вѣнецѣ, и царствуй нами.

Какое было удивленіе всѣхѣ домашнихѣ и сродниковѣ добродѣтельнаго Нумы! Разслаблен-

ный отецъ его едва послѣднихъ силъ не лишился. Марцій, сродникъ его, оцѣпенѣлъ; одинъ только Нума равнодушно выслушавъ рѣчь Валеріеву, безъ отвѣта бросился подать помощь ослабѣвшему своему родителю. Ласковыя обѣщанія и старанія привели спарца въ силу, и Нумѣ дали время оповѣстствоваться.

„Римляне! Римляне! говорилъ онъ: или вы ругаетесь моею добродѣтелью и моимъ убожествомъ? или хопите за уединеніе мое наказывать меня? Ежели вы мною ругаетесь, я не досажую на васъ, ибо не могу ни на кого злобствовать; но ежели подлинно вы нарекли меня Государемъ своимъ, то я не прощу вамъ того. Какое право имѣете вы нарушать спокойство простаго гражданина и, еще больше, безмолвнаго пустытника? Спросили ль вы меня, желаю ли я переѣхать на городскую уединенную жизнь мою? Жаловался ли я Сенату и народу Римскому на умѣренное мое состояніе? Искалъ ли я, помышлялъ ли, пребывалъ ли вашей короны? Вы говорите мнѣ: добродѣтели твои тебѣ дѣлаютъ нашимъ Государемъ; — Римляне! развѣ добродѣтель однимъ Государямъ свойственна, а гражданину излишна? и развѣ добродѣтель, убѣжавъ изъ городовъ, въ однихъ